

RU

Мотивы жалоб, испытаний и терпения в цикле стихов «Хэбес» («Тюремные») А. Тубыли

Хасавнех А. А.

Аннотация. Цель статьи - раскрытие этико-эстетических взглядов татарского поэта А. Тубыли через выявление основных мотивов его творчества. Научная новизна статьи определяется отсутствием исследований в отечественном литературоведении, в которых был бы дан всесторонний историко-литературный анализ заявленному циклу стихов А. Тубыли как художественному целому. обстоятельный анализ стихов, включенных в цикл «Тюремные», рассмотрение в этой связи жанра «жалоба на судьбу» (зар) в творчестве поэта, чьи произведения до сих пор оставались вне поля зрения исследователей, является актуальной задачей в татарском литературоведении. В результате было выявлено, что литературная деятельность А. Тубыли и отдельный цикл его стихов являются связующим звеном в развитии многовековой татарской литературы.

EN

Motives of Complaints, Trials and Patience in the Cycle “Хэбес” (“Prison”) by A. Tubyli

Khasavnekh A. A.

Abstract. The paper aims to reveal the Tatar poet A. Tubyli’s ethical and aesthetic views by identifying the main motives of his creative work. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time in the domestic literary criticism, the researcher provides a comprehensive literary and historical analysis of A. Tubyli’s cycle “Хэбес” (“Prison”). To analyse the poems from the “Хэбес” (“Prison”) cycle, to reveal specificity of the “зар” (“complaints about destiny”) genre in the little known Tatar poet’s creative work - these research tasks are highly relevant. The findings allow concluding that A. Tubyli’s poetical works, such as the “Хэбес” (“Prison”) cycle, are in tune with the Tatar literary tradition.

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что мотивы жалоб, испытаний и терпения в творчестве А. Тубыли представляют большой интерес не только как отдельный цикл в творчестве поэта (что определяется и самим поэтом), но и как этап, скрепляющий поэзию XIX в. с традициями средневековой религиозно-суфийской поэзии. Вышеназванные мотивы в творчестве А. Тубыли представляются и как маркеры в определении этико-эстетических взглядов творческих личностей в национальной литературе. Поэтому тема, на наш взгляд, достойна стать предметом специального научного исследования. Тема и проблема исследования относятся к области, связанной с проведением текстологической работы произведений, хранящихся в архивах научных центров, в частности в фондах Центра музыкального и письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, и составлением корпуса неизученных арабографических материалов. Освещение данной проблемы в научной литературе и введение в научный оборот вновь найденных произведений представителей татарской литературы является сверхзадачей данного исследования. Для достижения цели в статье нами были решены следующие задачи: во-первых, текстологически обработан арабографический текст стихотворного цикла «Хэбес» («Тюремные») А. Тубыли, выявлена значимость исследования творчества поэта с историко-литературной точки зрения; во-вторых, выявлены некоторые важные детали из жизнедеятельности поэта; в-третьих, специально рассмотрены мотивы жалоб, испытаний и терпения в произведениях А. Тубыли; в-четвертых, изучены этико-эстетические взгляды А. Тубыли.

Методологическую основу исследования составил принцип историзма в изучении литературных памятников. В статье использованы описательно-текстологический, структурно-описательный, статистический, историко-типологический методы исследования, а также метод обобщения полученных данных.

Теоретической базой данной научной статьи послужили труды ученых по истории татарской литературы и текстологии, таких как М. Усманов [1], Н. Хисамов [3], Х. Миннегулов, Ш. Садретдинов [5]. Учитывая, что в исследовании анализируются религиозно-суфийские символы, связанные с мотивами жалоб на судьбу, испытаний и терпения, мы обратились к трудам ученых, специализирующихся в области татарской суфийской литературы, – А. Сибгатуллиной [8], А. Саяповой [6], а также ранее апробированным исследовательским работам самого автора [11].

Практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы при разработке теоретических и практических курсов и занятий по истории татарской литературы и текстологии.

Жанр «жалоб на судьбу» (*зар*) в творчестве Ахметзяна Тубыли

Литературный жанр «жалоб на судьбу» (*зар*) в татарской литературе является традиционным. В этом жанре творили очень многие тюркоязычные и татарские поэты и писатели, и многих из них объединяет то, что они столкнулись с трудными жизненными обстоятельствами. Ахметзян Тубыли (1825-189?) в данном жанре создал цикл стихов «Хэбес» («Тюремные»), который раскрывает важные детали из его биографии, поэтому в некотором роде его можно назвать автобиографичным. Для литературоведения данный цикл имеет важное значение, т.к. до сих пор о поэте известно не так много. Он включает в себя четыре стихотворных произведения: «Язам ибтида хэмдү үзрә» («Начинаю писать Достойному похвалы»); «Бихэмдилләһ Ходага чүк хәмедләр» («Хвала Аллаху, много восхвалений»); «Мунаджат ли-кади ал-хаджат» («Ода, посвященная Аллаху») и «Сән, Бакырчы Шаһиәхмәдкә сәлам» («Привет тебе, Бакырчы Шагиахмед»).

«Жизнь поэта была не из легких. Разлучение с родной семьей, безвинное осуждение за преступление, которого он не совершал, затем ссылка в Сибирь – вот та неполная цепь трагичных событий в жизни поэта. Находясь в неволе, А. Тубыли пишет объемный тюремный цикл стихов, в котором значительное место уделено мотиву терпения» [Там же, с. 54].

Стихи поэта «Мунаджат ли-кади ал-хаджат» [7, ед. хр. 6058, л. 43-44] («Ода, посвященная Аллаху») и «Язам ибтида Хэмдү үзрә» («Начинаю писать Достойному похвалы») созданы в самом распространенном в средневековых тюркских литературах жанре «жалоб на судьбу» (*зар*) и входят в тюремный цикл стихов «Хэбес» («Тюремные»). Как и во многих других стихах, в «Мунаджат...» А. Тубыли, будучи заточен в тюремной камере, обращается с мольбой ко Всевышнему облегчить свою участь и проявить милосердие. Свои переживаемые чувства поэт передает через гиперболу, выраженную числами: «Йөз мең “ah” берлә сорауларым, Кыл нажат бу фарикың» [Там же, л. 43]. / «Вопросы задаю сто тысяч раз, вздыхая, Спаси же разлучившегося с тобой» (здесь и далее перевод автора статьи. – А. Х.).

Произведение своеобразно по стилю своего написания. Как в начале текста, так и в продолжении его автор многократно обращается к Аллаху с мольбой об облегчении своей участи. При этом он именует Его: Алим алгайб (Знающий о скрытном), Хода, Илаһым (Аллах), Хэбәрдар (Всеведающий), Рабб (Господь), Сөйгән Ярым (Возлюбленный) и т.д. В этом произведении упоминается восемь (из девяноста девяти) имен Аллаха.

А. Тубыли рассказывает о своих злополучиях, о том, как он был взят в плен к «неверным»-кяферам, и это обстоятельство повергло его в глубокую тоску. С каждым вздохом А. Тубыли вспоминает о Всевышнем Аллахе. Охваченный беспощадным огнем грусти, сквозь немой стон поэт обращает свои мольбы лишь к одному Господу, прося Его о пощаде и милосердии. Тюремную жизнь автор произведения сравнивает с огненной агонией. Приговоренный к одиночеству на долгие годы, поэт в полутемной камере беспрестанно повторяет молитвы.

Стихотворение «Язам ибтида хэмдү үзрә» («Начинаю писать Достойному похвалы») создано в лирико-романтическом духе. В первых десяти стихотворных строках автор рассказывает об отбывании своего срока наказания за тюремной решеткой, описывая состояния души и тела. Вот уже прошло семь лет с тех пор, как он был разлучен со своей Родиной, семьей и близкими. От тоски сердце его раскололось на сто мелких частей, от беспрестанного плача не осталось больше слез. Описание автором своего духовного состояния характеризуется сильной эмоциональностью и необычайной доходчивостью до слуха читателей: «Кеше хәлен кеше белмәс, Көйәр бәгърем бәнем сүнмәс. / Мәгәр гамьлә кеше улмас, Ирешмәс әжәлләрдин» [Там же, л. 41]. / «Кто может знать о состоянии души другого? Уж не погаснет тот огонь, что в сердце возгорелся. / Если б человек не ведал горя, То и смерть не настигла бы его».

Стихотворение «Бихэмдилләһ Ходага чүк хәмедләр» [Там же, л. 39-41] («Хвала Аллаху, много восхвалений») – самое объемное среди всех произведений, входящих в тюремный цикл; его можно причислить к поэме. Общее количество строк в нем – 109. Начало стихотворения традиционно: автор посылает множество восхвалений Аллаху и пророку Мухаммеду. Затем поэт переходит к рассказу о своих неудачах и тысячах бед, свалившихся на его голову. По мнению А. Тубыли, эти беды ниспосланы Всевышним в качестве испытания. Действительно, по учению Корана, все происходящее в жизни каждого человека записано в Книге Судьбы.

Подобно другим произведениям поэта, созданным в жанре жалоб на судьбу (*зар*), это стихотворение также содержит в себе много важных деталей, относящихся к биографии автора. Большая часть стихотворения «Хвала Аллаху...» посвящена описанию его жизни в тюремной камере. Поэт рассказывает о тяжелых, суровых условиях, в которых он вынужден провести многие годы своей жизни. Это – узкая, тесная камера, кроватью ему служит несколько сколоченных друг к другу досок. Общение и свидания с родными и близкими воспрещены. Поэт обречен на полное одиночество.

В стихотворении описываются и внутренние переживания поэта. Обессиливается не только тело, но и душа лирического героя. О себе он говорит: «сгорело сердце», «пролились слезы», «согнулась спина». По ходу

повествования в произведении обнаруживается еще один немаловажный факт. После отправления А. Тубыли в тюрьму знакомые и близкие друзья поэта ходили с прошениями об освобождении его на волю, неоднократно обращались с такими просьбами к губернатору и начальнику тюрьмы: «Исеркэб бәни, чуклар йидылар гамь, Үзендән, сәхибтән сорадылар һәм. / Гозерләб сорады мәэмин һәм кәферләр, Ышандык истәди һәм нәзирә телләр / У мәнзелдән чыкарғыл сән аны, диб, Үзе мулла, үзе дәхи казый, диб» [Там же, л. 40]. / 'Сожаление проявив, многие опечалены были, Самого управляющего просили похлопотать. / Просили, умоляя: Выпусти ж его из дома этого. / Ведь он – мулла, кадий почтенный'. Однако начальство тюрьмы прореагировало на эти ходатайства со стороны его многочисленных друзей крайне недоброжелательно, отказав им во всех просьбах о помиловании или облегчении мер наказания.

В стихотворении автор тёплыми словами вспоминает жену и детей. Рассказывая о своих снах, поэт передает свои чувства глубокой признательности и огромной любви по отношению к ним. В душе его таится надежда на то, что придет день, когда к нему вернутся радостные дни, и он снова окажется в теплом кругу своей семьи.

Находясь за тюремными решетками, А. Тубыли продолжает беспрестанно заниматься писательской деятельностью, читает много книг. Так, в одном из своих писем, написанных Бакырчы Шагиахмеду, поэт просит прислать ему книги. Однако, закованный в четырех стенах, поэт был лишен общества просвещенных и передовых мыслителей своего времени. Эта мысль его огорчает и вводит в полное отчаяние.

Мотивы испытаний и терпения в произведениях поэтов Волго-Уральского региона

Мысль поэта «есть много пользы в истязании души», звучащая в данном произведении, исходит из философского учения суфиев. По их глубокому убеждению, чем больше страдает душа и чем больше испытаний выпадает на её долю, тем она становится тоньше, и Всевышний приближает ее к себе. Как простой земной человек, поэт чувствует, что от бесконечных переживаний и тоски силы у него на исходе. Он даже высказывает такую мысль: «Ах, досада! Если б мать не родила меня!». Наверное, в глубине души ему нелегко было написать эти слова. Иногда человек может попасть в такую ситуацию, когда у него не остается выбора. Вот и А. Тубыли приходит к мысли, что ему остается лишь подчиниться своей судьбе и жить, уповая на Божью милость.

Поэт, описывая историю своих жизненных злоключений, обращается к аналогиям. Он сравнивает себя с Йусуфом, главным героем поэмы Кул Гали «Кысса-и Йусуф», который из-за хитростей и козней Зулейхи, совершенно безвинный, был брошен в тюрьму и пробыл там двенадцать лет. А. Тубыли на вопрос: «Что такое тюрьма?» отвечает устами Йусуфа: «Тюрьма – это такое место; если оказался там, то врагам – на потеху, а друзьям – на испытание» [Там же, л. 39]. В Коране есть такие слова: «Если с вами случится доброе, это огорчает их; если же вас постигает беда, они радуются...» (3:120) [4, с. 79].

Подобные мотивы звучат и в творчестве Г. Утыз Имяни. Сюжеты из поэмы «Кысса-и Йусуф» оказали на А. Тубыли такое же сильное влияние, как и на Утыз Имяни. В произведении «Фи байани фәрхи баг'да-шшида...» («Повествование о радости после несчастья...») автор делает основной акцент на несправедливом приговоре, из-за которого главный герой поэмы был брошен в тюрьму: «Мокъәддәр әйләде ул шаһе гъәффар, Нитәкем Йосыф улды кәйдә мәфтун» [2, б. 231]. / 'Так решил прощающий Шах, Как в спину нож – Йусуф попал в беду'. Особенности художественного мышления, некоторые философские моменты поэмы, пройдя через призму мировоззрения Г. Утыз Имяни, проникли в дальнейшем и в многочисленные произведения А. Тубыли. Мы можем предположить, что причина частого обращения татарского поэта на страницах своих литературных произведений к философии терпения, помимо учения Корана, кроется в том влиянии, которое оказала на него поэма «Кысса-и Йусуф». В этом мы убедились в процессе анализа его стихов, посвященных философии терпения.

А. Каргалый (1782 – после 1833) так же, как и другие татарские поэты, обращается к кораническому сюжету о Йакубе и его сыне Йусуфе, демонстрирующему величайший пример терпения и смирения: «Хәзрәти Йакуб фиракның дәрә илә, Кур улып күзләре, улды ибтиля. / Гакыйбәт, кур күзләре булып гөшад, Васлы Йосыф берлә булды фәрх-у шад...» [5, б. 94]. / 'Хазрат Якуб, кручинясь от разлуки, Слеп от горя и страданий. / Но после вновь прозрел он, Когда Йусуф вернулся – был весел он и рад...'.

Понятие «терпение» поэт связывает с именами других пророков: Мусы и Исы. Немало страданий выпадало на их долю, но все испытания они выдерживали со стойкостью и смирением.

В жанре жалоб на судьбу (*зар*) написано и поэтическое письмо «Сән, Бакырчы Шаһиәхмәдкә сәлам» («Привет тебе, Бакырчы Шагиахмед»). Приветственное письмо автор шлет своему близкому другу, жителю деревни Бакырчы Шагиахмеду. В нем автор выражает большую благодарность дорогому другу и наставнику Бакырчы Шагиахмеду, который в 1875 году – трудный период для поэта – оказал ему помощь и поддержку. Это выясняется из содержания произведения, где автор перечисляет благие дела и поступки своего друга: «Әлемә чәй, бүләкләр, акчаңны биреп, Үзә атап, син кочагымны тутырып. / Ни кадәр дисәм дә, синен кадрәңне, Сөйләп бетерә алмам йә, бай ир» [7, ед. хр. 6058, л. 106]. / 'Вложив мне в руки чай, гостинцев и денег, Призвав к себе, ты переполнил сердце мне. / Сколько б ни благодарил я, но почтенность к тебе Не выразить словами, о, щедрый человек'.

Произведение близко к жанру касыды. Автор с глубоким уважением говорит о своем наставнике, Бакырчы Шагиахмеду, перечисляет его выдающиеся качества и называет его: «добрый человек», «мужественный», «прекрасный и богатый мужчина». Читая молитвы в честь друга, А. Тубыли желает ему всяческих земных благ. Уже в конце письма поэт переходит к описанию своих чувств. Находясь за тюремными решетками,

он тоскует по своим родным и близким, друзьям и знакомым. Однако, по мнению автора, будущее человека, его судьба – в руках Аллаха.

Философские размышления об антиномиях в стихотворном цикле А. Тубыли

В стихотворении «Привет тебе, Бакырчы Шагиахмед» через антиномии разворачиваются философские размышления поэта А. Тубыли. «После горя радость слаще», – говорит он. Всё же автор письма не возлагает на своё будущее светлых надежд и не ожидает прихода нового жизненного счастья: «Әүвәлендә чук рәхәтләр күрмешем, Имде бәхтем китде, нәләр күрмешем?» [Там же]. / 'В былые дни был беззаботен, счастлив я, Но счастье вмиг ушло, что впереди?'

Заклоченного в тесной камере поэта одолевают двойственные чувства: то ему все представляется в мрачных красках, и на своё будущее он смотрит пессимистично, то он тешит себя тем, что когда-нибудь его мучения завершатся, и, оторванный на долгие года от своей семьи и близкого круга друзей, он вернется к ним снова, и жизнь его войдёт в привычную колею. В письме к Бакырчы Шагиахмеду автор высказывает философскую мысль о том, что в жизни человека добро чередуется со злом, счастье – с несчастьем, и в этом произведении просматривается некоторое противоречие. Он пишет, что всё лучше: счастливые и беззаботные дни, проведенные на воле вместе с близкими и родными, – всё это осталось позади: «Сколько б ни писал, слова не иссякнут мои, А радостей земных уже не жду прихода» [Там же].

Часто суфийские поэты на страницах своих произведений, рассуждая о мирском, приходят к такого рода противоречиям. Однако противоречивость изначально уже содержится в них самих, в их мировоззрении, т.к. они совмещают в себе одновременно поэта и суфия и имеют различные жизненные ориентации. Поэт, будучи суфием, стремится к восполнению недостаточности мира. В этом моменте заключается основная связь между суфизмом и поэзией, которые стремятся изобразить мир более совершенным, чем он является на самом деле. Отсюда появляется основное противоречие между поэтом, который борется с жизнью, но всё же поддается влиянию её хода, и суфием, который отверг мир и сторонится людей; взамен этого устанавливает личную любовную связь с Господом, не поддающуюся никакому воображению. В итоге те плоды, которые пожинает в процессе своего поиска истины поэт, оказываются отличными от того, что извлекает в результате того же процесса суфий.

В целом в татарской средневековой литературе пессимистическое отношение к действительности и трагичность главенствуют; они и задают тон большинству произведений поэтов и писателей. «Влюбленные в этих произведениях часто несчастны, любовь – что-то вроде страданий в аду; земная же жизнь – место разлуки, тюрьма» [8, б. 154]. Главный персонаж таких произведений остается побежденным под натиском земных бед, разочарован в своих былых надеждах. Он жалуется на свою горькую участь и единственное верное решение находит в непротивлении предписанной участи (*такдир; кадар; язмыш; насыб*). Не случайно Дардменд (1859-1921) сказал: «Войди в рай любви, не входи в мир фана, Сила любви – огонь нирваны. “Дардменд” – Бабочка, летающая вокруг этого огня, Сгорев в пламени любви, он уйдет в вечность» [6, с. 107].

Образ тюрьмы в средневековой татарской литературе

Идея веры в судьбу преобладала над умами поэтов и писателей Поволжья на протяжении десятков лет, вплоть до начала XX в., когда в противовес судьбе стали ставить мощь человеческого разума и непоколебимость его духа. Образ тюрьмы встречается в татарской литературе довольно часто. Еще в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» описывается сюжет пленения главного ее героя Йусуфа [3, б. 126]. Теме тюрьмы уделено место и в знаменитой поэме Саифа Сарай «Сөһәел вә гөлдәрсен» («Сухайль и Гульдурсун»). Там описывается сюжет о состоянии плененного главного героя на войне и заточенного в тюрьму [9, б. 278]. В средневековой азербайджанской литературе о тюрьме пишут многие видные ее представители. Так, например, Афзалетдин Хагани Ширвани (1120-1199), который, как известно, сам долгие годы провел за тюремными решетками, написал целый цикл касыд «Тюремные».

Часто суфийские поэты, используя в своих произведениях образы «жан» (дух), «тән» (тело), «нәфес» ([низменная] душа), говорят о тюрьме в аллегорическом плане. «Тән» (тело) – это образ тюрьмы. В литературе просвещения XIX века образ тюрьмы встречается уже чаще. В качестве примера можно было бы привести повесть «Муса» Захира Бигиева (1870-1902) и «Асма, или Деяние и кара» Ризаэддина Фахретдинова (1859-1936). В стихотворении Мифтахутдина Акмуллы (1831-1895) «Минем кебек булыр микән бәхәтсез» («Найдется ли несчастливее, чем я»), например, написанном им в тюрьме г. Троицка, есть такие строки: «Минем кебек булыр микән бәхәтсез, Егет башым әсир булды вакытсыз; / Әсир диеб, бөрадәр, сүкмәнезләр, Күземдән канлы яшем түкмәнезләр» [1, б. 248]. / 'Найдется ли несчастливее, чем я, Так рано я пленился молодым; / Не осуждайте же, что угодил в тюрьму, Не дайте плакать мне кровавыми слезами'.

Поэты, писавшие о тюрьме, на страницах своих произведений размышляют о тяжелых переломных моментах, которые случаются в их жизни. Они приходят неожиданно для человека и совершенно не зависят от его волеизъявления, ведь все, что ни случается в жизни, – неустанно повторяют они, – от Аллаха. Однако поэты, жизни которых были омрачены тяжкими испытаниями, пытаются понять истинные причины происходящего. Глубоко задумываясь над этими вопросами, они все приходят к одному выводу: человек, как бы ни приходилось ему тяжело в жизни, должен проявлять терпение. Лев Толстой в своей книге «Путь жизни» написал: «Все великие люди признавали ценность смирения и учили ему. Поэтому быть смиренным – это не слабость, это великая сила» [10, с. 430].

Заключение

В результате анализа стихотворного цикла «Хэбес» мы пришли к следующим выводам. Обращение к позднему периоду творчества А. Тубыли позволяет говорить о том, что в целом стихотворения поэта о терпении носят автобиографичный характер. В ходе текстологической обработки и исследования текстов из данного цикла обнаружилось некоторые важные детали из жизни и творчества поэта. Несмотря на то, что образ тюрьмы присутствует и в религиозно-суфийской литературе, и в литературе светского содержания, в среде татарских поэтов XIX века до А. Тубыли еще никто не создавал стихотворных циклов о тюрьме. Поэтому его мы можем назвать новатором в этой области.

Этому циклу стихов присущи особый религиозный дух и сильная эмоциональность. Традиционализм проявляется в разделении им мира на истинный и преходящий, а также в использовании автором приема сновидения и обращении к образу Йусуфа. Автор цикла, развивая мотивы жалоб, испытаний и терпения, творчески перерабатывает образную систему и сюжетную линию поэмы Кул Гали.

Во многих стихотворениях автора порой находят место пессимистичные настроения, пропитанные духом горечи, переживаний и жизненных разочарований. Это выражается прежде всего в том, что он приходит к внутренним противоречиям: оптимизм борется с его пессимизмом. Иными словами, в душе А. Тубыли происходит борьба между поэтом, который, идеализируя мир, противопоставляет жизни, но всё же поддаётся влиянию её хода, и суфием, который отверг мир, взамен этого устанавливает личную любовную связь с Аллахом, не поддающуюся никакому воображению. Сопоставление биографии и творчества А. Тубыли дает нам основание говорить о том, что, несмотря на сложные жизненные перипетии, он остается верен суфийским мотивам терпения и смирения. Вера в душе поэта дает ему силы стойко перенести жизненные невзгоды и не потерять надежду.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сказать, что этико-эстетические взгляды А. Тубыли о терпении пронизаны общечеловеческими идеалами и наполнены гуманистическим содержанием.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в дальнейшем изучении арабграфичных рукописных сборников поэта А. Тубыли, хранящихся в архиве Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, текстологическом их описании, издании текстов в кириллической графике и введении их в научный оборот.

Источники | References

1. Акмулла. Шигырьләр. Төзүчесе М. Госманов. Казан: Таткитнәшр., 1981. 272 б.
2. Габдерәхим Утыз Имәни әл-Болгари. Шигырьләр, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 398 б.
3. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / әдби тәржемәчесе Н. Хисамов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 219 б.
4. Коран: перевод смыслов / пер. с араб. Э. Р. Кулиева. Изд-е 2-е, испр. М.: Эксмо; Умма, 2016. 479 с.
5. Миңнегулов Х., Садретдинов Ш. XIX йөз татар әдәбияты ядкярләре. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1982. 142 б.
6. Саяпова А. М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе начала XX века: дисс. ... д. филол. н. Казань, 1998. 325 с.
7. Сборник стихов // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 39. Оп. 1.
8. Сибгатуллина Ә. Татар әдәбиятында суфичылык (чыганаклар, тематика һәм жанр үзенчәлекләре): филол. фәнәре докт. ... диссер. Алабуга, 2000. 380 б.
9. Сәйф Сараи. Гөлестан. Лирика. Дастан. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 296 б.
10. Толстой Л. Н. Путь жизни. М.: Республика, 1993. 432 с.
11. Хасавнех А. А. Ахметзян Тубыли: жизнь и творчество татарского поэта-суфия XIX века. Изд-е 2-е, доп. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2017. 198 с.

Информация об авторах | Author information

RU

Хасавнех Алсу Ахмадулловна¹, к. филол. н.

¹ Центр письменного и музыкального наследия
Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

EN

Khasavnekh Alsou Ahmadullova¹, PhD

¹ Centre of Rear Book and Musical Heritage of Institute of Language, Literature and Art
of Academy of Sciences of the Tatarstan Republic, Kazan

¹ alisse_12345@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Ахметзян Тубыли; суфийская литература; цикл стихов; жанр «зар»; мотивы испытания; Akhmetzyan Tubyli; Sufi literature; poetical cycle; zar genre; motives of trial.